

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ЖЕНЩИНЫ,
ОСМЕЛИВШЕЙСЯ ПРОТИВОСТОЯТЬ

Джеффри
Эпштейну
Гислейн
и Максвелл

**НИЧЬЯ
ДЕВОЧКА**

ВИРДЖИНИЯ РОБЕРТС ДЖУФФРЕ

Вирджиния Робертс Джуффре Ничья девочка. Незабываемые воспоминания женщины, осмелившейся противостоять Джеффри Эпштейну и Гислейн Максвелл

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73933467

*Ничья девочка. Незабываемые воспоминания женщины, осмелившейся
противостоять Джеффри Эпштейну и Гислейн Максвелл / Джуффре*

В.Р., Пер. с англ. С.В. Лисогорского; Гермес Букс; Москва; 2026

ISBN 978-5-9524-6685-2

Аннотация

Вирджиния Робертс Джуффре (1983—2025) – ключевая свидетельница по делу Джеффри Эпштейна, в своей книге откровенно и без прикрас рассказывает о жизни полной испытаний и борьбе за права женщин, пострадавших от сексуальной эксплуатации. Вирджиния делится воспоминаниями о пережитом в детстве насилии, о жестокости и равнодушии близких, о том, как в возрасте шестнадцати лет, оставшись без поддержки семьи, была втянута в преступную индустрию

Джеффри Эпштейна и его сообщницы Гислейн Максвелл. В книге раскрыты методы вербовки девушек для оказания интимных услуг, а также шокирующие подробности вечеринок в резиденциях Эпштейна, в том числе на печально известном острове Литл-Сент-Джеймс, которые устраивали для влиятельных политиков, бизнесменов и звезд шоу-бизнеса. Вирджиния называет ряд громких имен, в деталях описывает встречи с принцем Эндрю, приводя неоспоримые доказательства, благодаря которым ей удалось добиться денежной компенсации от британской королевской семьи, а также делится опытом юридической борьбы с Эпштейном и Максвелл. Книга Вирджинии Джуффре, опубликованная вскоре после ее смерти, не только обличает пороки сильных мира сего, но и призывает общество не допускать подобных преступлений в будущем.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От соавтора вирджинии робертс джуффре	7
Вступление	16
Часть первая	30
Глава 1	30
Глава 2	40
Глава 3	51
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Вирджиния
Робертс Джуффре
Ничья девочка.
Незабываемые
воспоминания женщины,
осмелившейся
противостоять
Джеффри Эпштейну
и Гислейн Максвелл**

*Посвящается моим «Выжившим сестрам»
и всем, кто перенес сексуальное насилие*

VIRGINIA ROBERTS GIUFFRE

NOBODY'S GIRL

A MEMOIR OF SURVIVING AROSE AND FIGHTING
FOR JUSTICE

Имена некоторых лиц изменены ради защиты их личной

ЖИЗНИ.

Перевод с английского *С.В. Лисогорского*

ГЕРМЕС БУКС

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс»,
2026

От соавтора вирджинии робертс джуффре

Совместная работа над мемуарами очень сближает. Авторам часто приходится задавать очень личные вопросы. Какими бы яркими ни были воспоминания, я всегда стараюсь их подтвердить – изучаю все имеющиеся документы и беседую с теми, кто был свидетелем описываемых событий или знал о них. В этом смысле при работе с Вирджинией для меня не было ничего нового.

Мемуары Вирджинии отличают от других две особенности. Во-первых, воспоминания, которыми ей пришлось делиться, оказались невообразимо разрушительными для нее самой; во-вторых, некоторые действующие лица ее мемуаров касаются богатейших и влиятельнейших людей на Земле. Некоторые из них уже угрожали, что заставят Вирджинию замолчать. С самого начала мы с ней понимали, что выражения придется подбирать очень тщательно, – разумеется, точность необходима всегда, но, помимо того, важно было защитить ее от нападков тех, кто предпочел бы, чтобы она держала язык за зубами.

Я хочу откровенно рассказать о том, почему Вирджиния предпочла *не молчать*, хотя, конечно, сохранить все в тайне было бы для нее гораздо безопаснее. Но с самого начала

она верила, что ее рассказ поможет другим – не только тем, кто пострадал от Эпштейна, но и всем, кого принуждали к сексу против их воли. Четыре года мы с Вирджинией откровенно беседовали, обменивались электронными письмами и текстовыми сообщениями. И она снова и снова повторяла: ее нужно изобразить достоверно, со всеми недостатками. Она хотела, чтобы мир узнал, какая она на самом деле. Тогда пострадавшие от насилия, прочитав ее книгу, почувствуют себя не такими одинокими. Вирджиния надеялась, что правдивое описание всего ею пережитого даст большему количеству людей стимул бороться за перемены, которые, по ее мнению, были так необходимы. Важным достижением стала бы законодательная отмена срока давности за сексуальные преступления против детей.

Редко доводилось мне встречать такого славного и великодушного человека, как Вирджиния. Она была предана своим трем детям, которых растила вместе с мужем Робби Джуффре (с которым они позже разошлись). Кроме того, она была страстной и решительной. Страсть Вирджинии помогла мне, под ее руководством, рассказать полную историю ее жизни и, что не менее важно, задать ей важные вопросы, подтвердить ее слова и в конечном счете помочь создать вдохновляющее и вместе с тем душераздирающее произведение, которое вы сейчас держите в руках.

Когда речь зашла о насилии, которому Вирджиния подвергалась ребенком, я разыскала ее подругу детства, которая

необычайно откровенно поделилась тем, как Вирджинию в совсем юном возрасте растлевал ее отчим (позже его осудили за изнасилование еще одной несовершеннолетней девочки). Помощь той подруги и ее доброта стали глубоким источником утешения для Вирджинии. По совету профессионального фактчекера я также долго беседовала с матерью Вирджинии, ее бывшим бойфрендом и двумя ее братьями, которым Вирджиния рассказывала о перенесенном насилии как со стороны отца, так и со стороны его друга. Много раз я обращалась к отцу Вирджинии, пытаюсь узнать, как он относится к обвинениям дочери, но он всякий раз энергично все отрицал.

Привожу один его ответ полностью: «Чтобы расставить все точки над *i*: я никогда не насиловал мою дочь и не знал, что этим занимался Форрест ***. Если бы я об этом узнал, я бы очень разозлился и разобрался с ним. Я давал дочери все, что она хотела, и ни разу пальцем ее не тронул. Я не знал о том, что творилось у Эпштейна, пока не прочел обо всем в Интернете и не стал получать звонки от новостных агентств. Они многое переврали, даже ее второе имя! Ее зовут Вирджиния Ли, а не Вирджиния Луиза Робертс! Я человек нравственный и считаю, что мужчин, которые насилюют малолетних детей, следует судить, а потом кастрировать. Меня реально бесит, что кто-то написал, будто я применял насилие к собственным детям. Как отец, я старался дать моим детям только самое лучшее».

Вирджиния довольно много времени провела рядом с Эпштейном и Максвелл; ее слова о том, что происходило в их окружении, подтверждены тысячами страниц материалов открытого разбирательства, в том числе письменных досудебных показаний, данных под присягой, и записями в бортовых журналах самолетов Эпштейна. В документах раскрыты имена многих из тех, кому, по словам Вирджинии, ее продавали. Содержание этих документов подкрепляется многочисленными источниками, в том числе интервью, которые Вирджиния давала прессе (я все их изучила) и опубликованными книгами на ту же тему таких авторов, как Джули К. Браун из «Майами геральд», бывшего адвоката Вирджинии Брэда Эдвардса и бывшего прокурора Южного округа Нью-Йорка Джеффри Бермана. Кроме того, я беседовала со многими юристами Вирджинии, в том числе с Эдвардсом, Сигрид Макколи и Бриттани Хендерсон.

Во время работы над книгой приходилось несколько раз останавливаться и начинать все сначала – частично из-за проблем Вирджинии со здоровьем. Но она неизменно настаивала: книга должна увидеть свет. Она хотела, чтобы ее страдания не были напрасными. Если, говорила она, удастся помочь даже одному выжившему после сексуального насилия, значит, дело того стоит. В октябре 2024 года она была готова возобновить работу над книгой. Мы встретились для окончательной вычитки рукописи. Я прилетела в Австралию, где уже побывала в 2022 году, и мы, сидя рядом, вычитывали

весь текст, строку за строкой. Иногда я прерывалась для того, чтобы отредактировать отдельные куски, а потом читала их ей снова. К концу моего визита Вирджиния одобрила содержание всей книги, кроме этого примечания, добавленного мною уже после ее ухода. Она была глубоко благодарна людям из самых разных сфер ее жизни, которые поддерживали ее в желании рассказать о том, что она пережила.

Вечером 9 января 2024 года (в Австралии уже наступило утро 10 января) Вирджиния позвонила мне в чрезвычайно подавленном состоянии. По ее словам, накануне вечером они с Робби поссорились и он набросился на нее с кулаками. Мы с ней долго говорили. Она прислала снимки своего бледного, распухшего лица. Убедившись, что ей ничего не грозит, я вызвалась связаться с ее матерью и старшим братом и позвонила им обоим.

Вирджиния заявила о произошедшем в полицию штата Западная Австралия, но Робби ни в чем не обвинили. Робби выдвинул встречные обвинения, которые окончились для Вирджинии запретительным судебным приказом общаться со своими детьми. Запрет больно ранил Вирджинию – разлука с детьми была для нее невыносимой.

Как оказалось, январское происшествие было не первым. Вирджиния рассказала мне о том, что произошло в 2015 году в Колорадо. Тогда, после того, как Робби напал на нее, его арестовали. Я встретила с помощником шерифа, который вел дело; он долго рассказывал мне об инциденте и ска-

зал, что тогда Робби запретили возвращаться домой. Однако материалы дела более не доступны широкой публике. Вирджиния представила тот эпизод как единичный случай. По ее словам, она не хотела писать о нем в книге ради детей. Тогда они с Робби переживали очень непростой период в жизни, и оба старались сделать так, чтобы тот эпизод остался позади. (Робби, завуалированно упомянув о происшествии при личной встрече, выразился примерно так же.) Я знаю, что женщины, ставшие жертвами домашнего насилия, часто предпочитают промолчать по разным причинам. Кроме того, жертвы перенесенного в детстве насилия значительно чаще – в пятнадцать раз чаще, если верить одному широко цитируемому исследованию, – становятся жертвами насилия и во взрослом возрасте. Я выполнила пожелания Вирджинии и не стала писать о прошлом столкновении.

Ситуация ухудшилась в марте 2025 года, после того, как Вирджиния пострадала в автокатастрофе. В последний раз мы с ней говорили по телефону 31 марта 2025 года. Она сказала, что лежала в больнице, но ушла оттуда из-за разногласий с врачами. Я просила ее вернуться в больницу, и она обещала, что так и сделает. Но больше всего ее интересовали дети; ей отчаянно хотелось знать, как они поживают. Перед тем как мы закончили разговор, она сказала: «Если на то воля Божья, я не боюсь. Если настало мое время уходить, значит, пора уходить, но я хочу, чтобы книга увидела свет». Я снова просила ее позволить врачам сделать свое дело. «Хочу, –

сказала я, – чтобы ты была рядом до конца моей жизни». Она сказала, что любит меня. Я ответила, что тоже люблю ее.

На следующий день, 1 апреля, Вирджиния послала мне и Дини фон Меффлинг, своему пресс-секретарю, электронное письмо, в котором недвусмысленно подтверждала свое желание опубликовать книгу. Привожу часть письма:

«Я обращаюсь к вам, чтобы обсудить важный вопрос, связанный с моей книгой „Ничья девочка“. Мое искреннее желание заключается в том, чтобы книга была издана, невзирая ни на какие мои обстоятельства...

Содержание книги жизненно важно, так как оно призвано пролить свет на системные ошибки, которые допускают незаконную торговлю беззащитными людьми в разных странах. Очень важно понять правду и рассмотреть все вопросы, связанные с этой темой, – как ради торжества справедливости, так и для повышения осведомленности.

В случае моей кончины я хотела бы убедиться в том, что „Ничья девочка“ все равно увидит свет. Я верю, что книга способна подействовать на жизнь многих людей и вызвать многочисленные дискуссии о серьезных преступлениях, описанных там. Буду признательна, если вы сможете воплотить мое желание в жизнь. Спасибо за вашу поддержку, терпение и, самое главное, любовь♥♥♥».

5 апреля Вирджиния сделала официальное заявление в журнале «Пипл», где впервые публично заявила, что муж применял к ней насилие. Она особенно выделила нападение

9 января. Вот что частично было написано в ее утверждении: «Я сумела дать отпор Гислейн Максвелл и Джеффри Эпштейну, которые насильовали меня и торговали мной. Но мне не удалось избежать домашнего насилия, которое омрачило мою семейную жизнь. После последнего физического нападения моего мужа я больше не могу молчать» (адвокат Робби отказался комментировать обвинения Вирджинии, сославшись на идущий судебный процесс).

Меньше чем через три недели Вирджинии не стало. Она покончила с собой на своей отдаленной ферме.

Прежде чем книга отправилась в набор, два брата Вирджинии и их жены выразили озабоченность в связи с тем, что в написанной ею книге преуменьшена важность домашнего насилия, которому она, судя по всему, подвергалась. Они поделились своими соображениями о том, как непросто приходилось их сестре в семейной жизни, и предложили опубликовать ее мемуары с примечаниями, которые не позволят подорвать доверие к ней. Вместе с тем они поддержали публикацию мемуаров Вирджинии и подтвердили их важность в деле призвания абьюзеров к ответственности.

Размышляя о Вирджинии после ее кончины – обо всем, чего она добилась и обо всех перенесенных ею страданиях, – я не перестаю думать о тех последних трех сердечках в конце ее письма. Они останутся со мной навсегда. Несмотря на невыразимую жестокость, какой она подвергалась в течение всей жизни, Вирджиния предпочитала держать сердце

открытым и, когда возможно, наполненным любовью. Миру есть чему поучиться у Вирджинии. Считаю огромной честью возможность провести рядом с ней четыре года, помочь ей рассказать свою историю и позаботиться о том, чтобы ее наследие сохранилось.

Эми Уоллес, август 2025 г.

Вступление

*Жизнь – не частное дело. История и ее уроки становятся полезными, только если делиться ими.
Дэн Миллмэн. Путь мирного воина*

Всего несколько часов назад поход в Лувр казался великолепным способом взбодриться. Но сейчас меня одолевает грусть. Я так далеко от дома!

Сейчас июнь 2021 года, и я на втором этаже самого большого художественного музея в мире. Меня окружают незнакомцы, и мне так одиноко. Странное время для того, чтобы находиться в Париже. Город только что открыли после того, как по земному шару прокатилась пандемия COVID–19. На улицах почти нет туристов, которым совсем недавно разрешили летать во Францию. Я выгляжу как туристка – еще одна блондинка, американская мамочка в джинсах и балетках без каблука. Но я приехала в Париж не для того, чтобы смотреть достопримечательности. Я должна сделать дело, которое не становится легче. Я здесь для того, чтобы бросить вызов тем, кто причинил мне боль. Я здесь для того, чтобы вернуть контроль над своей жизнью.

Выходя утром из отеля, я чувствовала себя сильной. Светило солнце, было тепло. Погода как будто решила посмеяться над взятыми мной многочисленными свитерами. Я дума-

ла о моем муже Робби, который остался в Австралии, где мы живем. Я знала, что он принимает друзей наших детей, которые пришли с ночевкой. Живо представляла, как он, уставший, звонит в нашу любимую пиццерию и заказывает слишком много пирогов. «Ты моя маленькая воительница», – любит называть меня муж. Те же слова он повторил перед тем, как я села на самолет из Перта в Париж. Я не всегда вижу себя такой, какой видит меня Робби, но сегодня, выйдя из отеля и пешком направляясь к Сене, я чувствовала, что хочу соответствовать его пылкому идеальному представлению обо мне.

От моего отеля на улице Скриб я без труда отыскала путь на авеню Опера и направилась на юг, к Лувру.

Прошло двадцать лет с тех пор, как я в прошлый раз гуляла по этим улицам, но мне казалось, что я иду знакомым маршрутом. Посещение музея стало подарком, который я решила себе сделать за несколько часов до встречи с адвокатами и их вопросов. Уже много дней они допрашивали меня с пристрастием, и я понимала почему. Для максимального эффекта от показаний, ради которых я сюда приехала, приходилось сосредотачиваться и готовиться ко всему. Но мне отчаянно требовалась передышка. И вот у меня образовалось свободное утро, и я сразу поняла, куда хочу пойти. Дойдя до знаменитой пирамиды Лувра из металла и стекла, я просканировала билет и спустилась вниз на эскалаторе. Я собиралась расслабиться и побродить по залам, отделавшись

от самых страшных воспоминаний благодаря погружению в чистую красоту.

Какое-то время все шло именно так, как я представляла. Я забывалась среди больших бронзовых и мраморных статуй, пересылала мужу фото скульптур «Четыре пленника», изображающую четырех солдат в кандалах, и Геркулеса, который сражается с огромным змеем. Я не спешила, решив, что подойду к «Моне Лизе» в конце экскурсии. Не зная точно, куда идти, я поднялась на один марш, повернула за угол и замерла. «Я знаю этот зал!» – воскликнул голос у меня в голове. Я уже была в нем – двадцать лет назад, когда мне было всего семнадцать.

* * *

Зал, в котором я нахожусь, выкрашен в кроваво-красный цвет; главное место в нем занимает огромный гобелен: изображение чрезмерно пестрой спальни Людовика XIV. В 2001 году, задолго до того, как привести меня в этот зал, Джеффри Эпштейн и Гислейн Максвелл многократно насиловали и продавали меня.

Теперь мне 37 лет, я жена и мать, вполне зрелая взрослая женщина. Прошло два года после того, как Эпштейн умер в тюрьме. И все же я живо представляю, как он стоит рядом со мной, любит гобеленом, чьим темным краскам он решил подражать в обстановке своего роскошного дома на Манхэт-

тене. Перед мысленным взором я, как всегда, вижу рядом с ним Максвелл. Раствительница с превосходными манерами и аристократической родословной, «Ги-Макс», как она себя называла, играла роль наставницы в дисфункциональной семье Эпштейна, состоявшей из несовершеннолетних девочек. Одной из таких девочек была я; больше двух лет я провела в их доме позора. Даже несколько десятилетий спустя я помню, как боялась их обоих.

У меня звенит в ушах. Разумом я понимаю, что больше они не способны причинить мне вред; через год после того, как в тюремной камере нашли безжизненное тело Эпштейна, арестовали Максвелл, и сейчас, в 2021 году, она сидит за решеткой в ожидании суда. Ей предъявили обвинения в нескольких преступлениях, в том числе торговле несовершеннолетними с целью сексуальной эксплуатации. И все же их голодные призраки преследуют меня. Борясь с головокружением, я сосредоточиваю взгляд на искусно вытканном гобелене. На нем изображен коленопреклоненный молодой человек, который просит прощения у короля, а толпа за этим наблюдает. Я смотрю на свои ноги, стоящие на паркетном полу. У меня перехватывает дыхание, и я замираю от знакомого приступа паники.

Даже в детстве я не любила закатывать скандалы. Я предпочитала смиряться, удерживая ужас в груди, а не кричать и не рассказывать обо всем другим, рискуя навлечь на себя еще большую опасность. Поэтому я хранила молчание, ста-

раясь утешить себя. Я смотрю на мои красивые ногти – на маникюрные, блестящие, выкрашенные в цвет слоновой кости. Я читаю надпись на браслете на моей левой руке – подарок от близкого друга. На нем печатными буквами выгравировано слово «КРУТАЯ». Я делаю осторожный шаг, потом другой. В животе все переворачивается, но я иду. «Пожалуйста, – прошу я мысленно, – пожалуйста, не дайте мне упасть в обморок в этом изысканном месте». Я нахожу банкетку, сажусь и озираюсь в поисках выхода. «Я справлюсь», – внушаю себе. На эту мантру я и прежде полагалась много раз. По опыту я знаю, что мне пока не стоит пытаться бежать. Травма – коварный враг. Те из нас, которые пережили ее ужасы, часто удивляются тому, как быстро она способна отступать, по крайней мере вначале. Как только ты попадаешь в безопасное место, твои видимые раны – порезы, кровоподтеки – исцеляются и бледнеют. И психика тоже оживает, как тонущий человек, извлеченный из-под воды, который иногда выплевывает мутную воду и открывает глаза. Но исцеляющиеся жертвы вроде меня прекрасно понимают, что травма по-прежнему подстерегает в темноте. Она всегда рядом. Сколько бы лет ни прошло и сколько бы психотерапевтов ты ни посетил, она, непрошенная, может вновь возникнуть, словно из ниоткуда. Ее может вызвать песня, исполняемая по радио. Или запах одеколona незнакомца. Даже огромный, во всю стену, гобелен в Лувре может стать триггером. Невозможно знать наверняка.

Я приехала во Францию, чтобы бросить вызов одному из сообщников Эпштейна, владельцу модельного агентства Жану-Люку Брюнелю. За то время, что Брюнель вращался в модельном бизнесе, он стал довольно известным агентом; он хвастал, что открыл миру Джерри Холл, Милу Йовович, Ребекку Ромейн, Шэрон Стоун и Кристи Тарлингтон. Но, кроме того, известно, что он домогался тех молодых женщин, чья карьера зависела от него. Теперь Брюнель находится под стражей и ждет суда по обвинениям в изнасиловании, сексуальных домогательствах и торговле несовершеннолетними с целью сексуальной эксплуатации. Недавно, за несколько месяцев до суда, он попросил освободить его под залог. Именно поэтому я прилетела сюда из Австралии: чтобы помочь удержать за решеткой Брюнеля, который поставлял юных девушек для Эпштейна.

В показаниях под присягой, ради которых прилетела, я заявлю, как заявляла прежде, что Брюнель неоднократно домогался и насиловал меня. Находясь в Париже, я также свяжу французских обвинителей с другими жертвами Брюнеля, которые разыскали меня после того, как увидели на телеэкране и в социальных сетях. Кроме того, я передам свои рукописные заметки о том, чему подвергали меня он, а также Эпштейн и Максвелл. По словам французских обвинителей, я ключевая свидетельница, потому что, в отличие от многих жертв Эпштейна, которых насиловали в каком-то одном месте, я больше двух лет путешествовала по миру с ним и

с Максвелл. Я знала их жестокие привычки и привычки таких людей, как Брюнель, которым меня продавали. Я видела этих мужчин вблизи и терпела их домогательства.

Удивительно ли, что я борюсь с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР)? Открытое выступление, как сейчас, заканчивается для меня не просто панической атакой или прерванной прогулкой по художественному музею. Приехав в Париж ради того, чтобы разоблачить прошлое, я лишаяюсь своей жизни в настоящем. В эти выходные у моей дочери-пятиклассницы Элли будут первые школьные танцы; она выкрасила свои великолепные черные волосы в малиновый цвет в знак протеста против того, что меня не будет (Робби переслал мне фото, и должна признать, она выглядит замечательно). Сейчас Элли прислала мне эсэмэску, что хочет дополнить свой костюм в стиле гранж чулками в сетку. Несмотря на шестичасовую разницу во времени, мы договорились созвониться по FaceTime, чтобы я могла сказать ей «да» или «нет». В подростковом возрасте я тоже любила гранж, и все же... По-моему, ученице пятого класса рановато надевать чулки в сетку. Хотя я рада, что мы с Элли можем обсуждать планы, мне грустно оттого, что приходится все обговаривать по телефону.

Будь я дома в Перте, увековечила бы первые танцы Элли, сделав миллион снимков. Вместо этого я борюсь с одиночеством и разницей во времени в крошечном номере отеля в девяти тысячах миль от нее.

И все же я убеждаю себя, что эта поездка в Париж пойдет моим детям на пользу. Много лет назад, после того, когда учительница спросила одного из наших детей, кем работает их мама, мы с Робби посоветовались и решили, что правда слишком сложна, поэтому им лучше просто ответить: «Мама сражается с плохими парнями». С тех пор не одна учительница ошибочно пришла к выводу, что я служу в полиции. Я не коп и никогда не считала себя ангелом. Но, надеюсь, кое-что хорошее я все же сделала. Пытаясь заткнуть мне рот, мои влиятельные враги угрожали обанкротить меня и даже убить. Я не замолчала. Когда я была секс-рабыней, у меня не было права голоса. Я обещала себе, что больше никогда не позволю себе быть безмолвной.

Итак, заставили ли меня мои демоны бежать из музея мирового класса, не дав навестить мои любимые картины? Да, заставили. Вернулась ли я потом в номер отеля, чтобы заняться одним из любимых успокоительных ритуалов: запоем смотреть самый любимый полицейский телесериал «Закон и порядок»? Да, и это тоже верно. Но я не позволю демонам победить. Через три дня я вернусь в Лувр, посижу напротив того страшного гобелена и верну себе владение той комнатой в красных тонах. Я верну равновесие с помощью силы, обретенной с таким трудом. Позже я все-таки разыщу «Мону Лизу», чтобы быстро поздороваться с ней.

Через несколько дней я вступлю в противостояние с Брюнелем в восьмичасовом слушании за закрытыми дверями;

я буду отвечать на самые бесчеловечные вопросы, какие можно себе представить, связанные с тем, что он – которому тогда было за пятьдесят – делал со мной, когда мне было семнадцать, восемнадцать и девятнадцать лет.

В интервью NBC News, которое я дам позже в тот же день, я объясню, что дала показания против Брюнеля, потому что хочу, чтобы он «знал, что у него больше нет надо мной власти, что я стала взрослой женщиной и решила призвать его к ответу за то, что он сделал со мной и многими другими». Потом я призову к оружию, и мой призыв передадут по всему миру. «Я призываю выступить больше свидетелей, даже если срок давности истек», – скажу я и уточню: даже такой простой факт, как подтверждение местонахождения Брюнеля в определенный день, способно помочь тем, кто собирается призвать негодяя к ответу за его преступления. «Судья слушает, – скажу я. – Власти слушают. Я слушаю. Мы хотим помочь убрать чудовище туда, где ему место. Мы не сумеем этого добиться, если все не будем действовать сообща».

Я много знаю о чудовищах. В детстве я перенесла почти все виды насилия: инцест, жестокое обращение, телесные наказания, растление, изнасилование. В подростковом возрасте, еще до знакомства с Эпштейном и Максвелл, меня продавал в сексуальное рабство еще один педофил. Но эта парочка приумножила мои страдания. В то время, когда я была с ними, они сдавали меня внаем множеству богатых и

влиятельных людей. Меня привычно использовали и унижали – а в некоторых случаях душили, избивали и резали. Я считала, что, скорее всего, так и умру секс-рабыней. Потом, сразу после того, как мне исполнилось девятнадцать, я встретила мужчину, которому была небезразлична. Я воспользовалась случаем и в 2002 году бежала.

Сейчас, когда пишу эти строки, я уже двадцать два года живу свободно. Мне не всегда было легко, и все же я испытываю огромную благодарность. После 2002 года моя жизнь отмечена несколькими поворотными пунктами; важнейшим из них стал момент, когда я неожиданно для себя стала мамой. Врачи говорили, что это в высшей степени маловероятно, но они ошибались. Сначала родился мой сын Алекс, потом Тайлер. Мне нравилось быть мамой двух мальчиков. Но когда у нас с Робби родился третий ребенок, дочь, которую мы назвали Элли, я почувствовала, как внутри меня что-то переменялось. Учитывая все, что я пережила, могу сказать точно: сексуальные хищники не остановятся, пока их не заставят остановиться. И все же много лет я медлила, надеясь, что первым призовет к ответу насильников кто-то другой. Благодаря Элли я покончила с периодом пассивности. Глядя в глаза моей дочки, я поняла, что должна действовать, чтобы другие девушки не переживали то, что пережила я. Вскоре после того я начала бороться.

Вначале я попыталась ответить на некоторые трудные вопросы. Стало ли то, что случилось со мной, просто результа-

том невезения? Неужели постыдные тайны моей семьи как бы «пометили» меня для трагедии? Или в нашей культуре происходит нечто такое, что внесло свой вклад в мое печальное положение? Зло есть всегда. Но особенно отвратительна торговля людьми, применение силы, мошенничества или принуждения, чтобы добиться выполнения определенных заданий или коммерческого секса, особенно когда жертвами становятся несовершеннолетние. Недооцененная и недоизученная, секс-торговля детьми не просто проблема стран «третьего мира», как многие ошибочно полагают. В Америке о подобных случаях заявляли во всех пятидесяти штатах. А в последние десятилетия, после распространения Интернета и социальных сетей, торговцам детьми стало легче вступать в контакт со своими жертвами. По мнению Национального центра пропавших и эксплуатируемых детей, во время пандемии COVID-19 хищники пользовались тем, что дети чаще находились онлайн, что всего за один год подняло количество сообщений в сфере кибербезопасности о подозрениях в сексуальной эксплуатации детей на 106 процентов!

Хочу подчеркнуть: хотя Джеффри Эпштейн мертв, хотя его больше нет, многие другие в наши дни совершают такие же гнусные преступления, как он. Многие жертвы сексуальной эксплуатации, в отличие от меня, еще не избавились от своего положения эксплуатируемых. Если верить недавним исследованиям, эти девочки и мальчики, женщины и муж-

чины совершают от трех до семи попыток бежать, освободиться, прежде чем их попытки увенчаются успехом. Многим из них не предложит помощь заботливый незнакомец. В Америке, где только в 4 процентах правоохранительных учреждений есть сотрудники, которые занимаются разоблачением торговли людьми, большинству жертв, чтобы выжить, приходится полагаться на свои мозги и на удачу.

Я хочу изменить существующее положение. Я хочу не просто призвать к ответу насильников, но и бросить вызов тем способам, которыми наше законодательство защищает таких насильников. Подсчитано, что многие из тех, кто стали жертвами сексуального насилия в детстве, не обращаются в правоохранительные органы и не рассказывают о том, что с ними случилось, пока им не исполнится сорок лет и больше. По-моему, выжившие жертвы торговли людьми и сексуального насилия должны получить возможность искать справедливость в любое время, когда они готовы выступить. К сожалению, во многих штатах действует срок давности, из-за которого такое невозможно.

Есть системные проблемы, которые нельзя разрешить в одиночку. Вот почему выжившим так важно объединиться. Как я сказала в интервью NBC в Париже в 2021 году, не важно, какие слабые доводы выдвигают выжившие после сексуального насилия. Мы сильнее, если действуем сообща.

В последние годы отдельные кусочки моей истории рассказывались и пересказывались другими в многочисленных

книгах, подкастах, интервью, статьях, кинофильмах, сериалах и телефильмах. Но до последнего времени я еще ни разу не рассказывала о своей жизни полностью.

Книга позволит мне заполнить пробелы, дать контекст там, где его было прискорбно мало, а в ключевых местах исправить ошибки. Молодые девушки (и мальчики тоже) подвергаются сексуальной эксплуатации не в вакууме. Они... мы не сразу попадаем в лапы серийных насильников. Во многих случаях вначале нас бросают те, кто уверяет, будто любит нас. Рассказывая о себе, я надеюсь помочь другим, чтобы моя история не повторилась.

Нет тех, кто перенес бы крайне тяжелую травму без последствий. Ко мне это точно не относится. Еще до встречи с Эпштейном я испытала ужасные вещи, из-за которых некоторые наблюдатели назвали меня его «идеальной жертвой». Но я проявила жизнестойкость и смогла восстановиться, иначе меня бы сейчас здесь не было. Мне по-прежнему снятся страшные сны; у меня по-прежнему бывают панические атаки. Я по-прежнему иногда чувствую себя никчемной. Может быть, так будет всегда. Но довольно часто я расцветаю – особенно когда удастся помочь другим выжившим. Надеюсь, что моя книга позволит осветить мрак и заставит его уползти в свою пещеру.

Когда-то я молчала, но теперь обрела голос. Результатом такой метаморфозы стала книга. Мой муж правильно сказал обо мне: я действительно воительница. Воительница, кото-

рой есть что рассказать.

Часть первая

Дочь

Знаете, почему этот мир так плох?.. Все потому, что люди думают только о себе и палец о палец не ударят, чтобы заступиться за обиженного или вывести негодяя на чистую воду... Я считаю: если мы становимся свидетелями жестокости или преступления, предотвратить которое в наших силах, но ничего не делаем, мы сами становимся соучастниками преступления.
Анна Сьюэлл. Черный Красавчик

Глава 1

Малышка

Представьте себе девочку с заплаканным лицом, которая в одиночестве сидит у края тротуара. Ей пятнадцать лет, но она такая худенькая, что выглядит младше. Голубоглазая блондинка, она могла бы быть хорошенькой, но ее веснушчатое лицо распухло, на шее кровоподтеки, а во рту привкус оружейного металла, который она никогда не забудет. Кровь идет в таких местах, о которых она и не подозревала, что там может кровить. Прежде девочке уже делали больно, но не

так. От порыва ветра пальмы склоняются над ее дрожащим телом. Она вытирает разбитые губы. Интересно, думает она, каково это – иметь для кого-то значение?

Вдруг она видит длинный лимузин. Когда он, черный, блестящий, приближается к ней, девочка мельком видит водителя. В голове мелькает лимузин из диснеевского мультлика «101 далматинец», в котором по Лондону рассекает Круэлла Де Виль в поисках щенков, с которых можно содрать шкуры. Сколько раз она смотрела тот мульттик? Но сейчас перед ней не сцена из мультфильма. Мультфильмы для детей, а себя она уже давно ребенком не ощущает. Такова реальная жизнь в Майами (Флорида). А девочка – это я.

Сбежав двое суток назад из исправительного центра для несовершеннолетних в округе Палм-Бич, я была полна надежд. По опыту знала, что первым делом нужно выкинуть форму, которую я носила в центре, – темно-синюю рубашку поло и брюки цвета хаки, иначе копы сразу же вычислят меня. Поэтому я сразу зашла в магазин «Маршалле», где быстро переделалась в новую футболку и джинсы, а тюремную одежду подчеркнуто аккуратно повесила на плечики. Потом я вышла из магазина, не заплатив, и направилась прямо в городок Делрей-Бич.

Я всегда умела налаживать контакты с незнакомцами. На пляже я познакомилась с одним парнем – он был гораздо старше, но держался расслабленно. Мы курили, глядя на Атлантический океан.

Когда я призналась, что сегодня мне придется спать на улице, он предложил переночевать у него. Я беспокоилась, что ему нужен секс, но ошибалась. Когда пришли к нему, он дал мне чистое полотенце, чтобы я смогла принять душ.

– Только к утру чтобы тебя не было, – сказал он перед тем, как лечь спать. – Мне рано ехать на работу. И пожалуйста, не пачкай мой дом. Имей совесть.

Не все мужчины – чудовища.

На следующее утро еще до рассвета я поимела совесть и тихо закрыла за собой входную дверь. Оттуда я отправилась на железнодорожный вокзал, где достала из-под резинки, которой заматывала свой «конский хвост», почти все деньги, что у меня были, – двадцатидолларовую купюру, которую выпросила на заправке, и купила билет в один конец до Майами. Полтора часа спустя я прибыла на вокзал Майами-Дейд, в пятидесяти милях южнее Палм-Бич. Я сбегала много раз и до этого, но никогда не забиралась так далеко.

С вокзала я пошла пешком на восток, решив, что через час попаду к океану. Я сразу увидела впереди розовооранжевую вывеску закусочной «Данкин Донате». Еще дома, в Локсахатчи, я часто просила мелочь рядом с местным «Данкин Донате», поэтому при виде вывески – весело дымящейся кофейной чашки – я решила, что мне повезет. Я вошла внутрь и купила два моих любимых шоколадных пончика. После того как впервые за несколько дней мой желудок наполнился, я вышла из закусочной, чувствуя уверенность. Пусть мне

некуда идти, я обязательно что-нибудь придумаю.

Должно быть, я шагала минут двадцать, когда впереди остановился белый фургон.

– Тебя подвезти? – спросил водитель. Голос его звучал дружелюбно. – Нам вроде по пути.

Может, дело было в избытке сахара в организме, но я забыла об осторожности. Кроме того, было жарко и влажно, а темноволосый водитель напоминал тощую креветку – крупнее меня, но ненамного. Я села и пристегнулась. Водитель покосился на меня и перевел взгляд на дорогу. На вид ему можно было дать лет сорок, а одет он был как рабочий-строитель.

– Мне нужно быстро кое-куда заехать, – сказал он, объяснив, что должен кому-то деньги и сейчас их вернет.

– Круто, – ответила я, надеясь, что голос не выдает страха.

Фургон повернул на запад, прочь от океана, и остановился перед обшарпанным мотелем.

– Пойдем со мной, – предложил водитель. – Там дела-то всего на секунду.

Я поднялась с ним наверх и вошла в грязный, обшарпанный номер.

Он сразу же набросился на меня, и я поняла, что недооценила его силу. Он повалил меня на кровать и сдавил мне горло. Потом достал пистолет и сунул дуло мне в рот. Он изнасиловал меня сначала спереди, потом сзади.

Единственной смазкой была слюна, которой он смочил

свою ладонь. Он душил меня, пока я не теряла сознание, потом позволял мне дышать, потом снова душил. Мне казалось, что я умерла и меня выкинули в сточную канаву. А потом произошло чудо: у него зазвонил мобильник, и он выпустил меня, чтобы ответить.

– Оставайся на месте, – приказал насильник. – Если попробуешь сбежать, я найду тебя и убью.

Потом он взял телефон и вышел. Я подозревала, что он так или иначе собирался меня убить. Поэтому выждала, пока его голос стих вдали, и побежала.

Вот как я стала той заплаканной девчонкой, которая сидела на краю тротуара на пустой пляжной парковке. Уже наступили сумерки, когда я увидела, как передо мной останавливается лимузин. Зажужжало и опустилось стекло у заднего пассажирского сиденья; я увидела одутловатое лицо незнакомца. Явно за шестьдесят, крупный, лысеющий. Я наблюдаю за его глазами; он оглядывает мое распухшее, в кровоподтеках лицо и избитое тело.

– Ах, бедная малышка! – говорит старик. Его сочувствие кажется неподдельным.

Приглядевшись, я замечаю в салоне рядом со стариком хорошенькую девочку в коротком красном платье. Она улыбается мне. На старике черные мягкие брюки и рубашка. Мужчины в моей семье предпочитали джинсы или комбинезоны. Надеюсь, что незнакомец отличается от них и в других отношениях...

– Садись, и мы о тебе позаботимся, – предлагает старик, а девочка одобрительно кивает.

Я вспоминаю, что где-то неподалеку рыщет мой насильник в белом фургоне с пистолетом на коленях; он ищет сбежавшую девчонку. С трудом встаю.

Дверца лимузина открывается, и старик двигается, освобождая мне место.

Он говорит водителю, куда ехать, и представляется. Его зовут Рон Эппингер; по его словам, он возглавляет модельное агентство «Перфект 10». Он жестом указывает на Яну, девушку, сидящую рядом с ним. Она из Чешской Республики. Хочу ли я стать моделью, как она? Он спрашивает, сколько мне лет, и вначале я отвечаю, что мне шестнадцать, полагая, что так лучше. Так я кажусь менее уязвимой. Эппингер качает головой; он мне не верит. Поэтому я говорю правду: мне пятнадцать. Похоже, мой ответ его устраивает.

– Я приму тебя, если ты больше не будешь мне врать, – говорит он.

«Что это значит?» – думаю я, но вслух не спрашиваю. Потом мясистое лицо Эппингера грустнеет. Когда-то, говорит он, у него была дочь, Сюзен-Мэри. Она умерла, когда ей было пятнадцать; водитель грузовика, в котором она ехала, заснул за рулем и врезался в электрический столб в Помпано-Бич. Он так и не пережил трагедию, говорит Эппингер, и мне становится его жалко.

Тогда он тянется ко мне и гладит меня по голове.

– Если хочешь, – предлагает он, – я стану твоим новым папочкой.

Как быстро он это делает – превращает отношения отца и дочери в нечто тошнотворное! Но я уже знаю этот фокус, и мне хочется верить, что на меня он больше не действует. Я не доверяю родителям, особенно отцам. Мне не нужен папочка, ни старый, ни новый, мне нужно лишь отдохнуть после того, как я кое-как перебивалась и заботилась о себе сама. Сколько себя помню, я знаю: если ты девочка, опасность окружает тебя повсюду. Всего несколько часов назад работяга в белом фургоне познакомил меня с более темным оттенком зла. Я знаю, что домой мне возвращаться нельзя. Там нет безопасности. У меня болит все тело, снаружи и внутри. Выбирать мне не из чего.

Старик, модель и я заказываем еду навынос в киоске на берегу океана.

За едой – я заглатываю свою порцию как зверь – мы слушаем шум прибоя. Потом Эппингер говорит, что хочет поводить меня по магазинам. Мы идем в расположенный рядом магазин GapKids. Он выбирает короткие шортики, которые не закрывают моих ягодиц, и топики, которые мне явно малы. Судя по лицу продавщицы, нетрудно угадать, о чем она думает: не такую одежду бабушки покупают внукам. Дальше мы идем в магазин нижнего белья, где Эппингер, похоже, постоянный клиент. Он покупает стринги и другие кружевные предметы, которые я видела только в кино на взрослых

женщинах. Он подносит их к моему недавно сформировавшемуся телу и ухмыляется. Наконец, он приказывает шоферу везти нас домой.

В его огромной квартире на Ки-Бискейн с потрясающими видами на Майами на противоположной стороне Рикенбакер-Козуэй Эппингер взмахом руки представляет меня еще пяти девочкам; на большинстве из них только нижнее белье или вообще ничего нет. Лишь немногие из них говорят по-английски. Потом он ведет меня в заднюю комнату – его комнату. Там круглая кровать и зеркальный потолок. Я спрашиваю, где я буду спать.

– Со мной, – отвечает он.

В глубине души я ощущаю знакомый страх. Не поздно ли сбежать? Но другая, большая часть сознания напоминает мне о жизни в исправительном центре и в приемных семьях – и, хуже всего, о жизни в бегах. Может быть, так ведут себя все мужчины? Я устала, я хочу ничего не чувствовать. Старик называет меня Малышка. Я там самая младшая, поэтому прозвище мне подходит. Я так отчаянно хочу стать кем-то новым, что соглашаюсь. Отныне я – Малышка.

Сейчас время завтрака, и мои дети – им одиннадцать, четырнадцать и пятнадцать – носятся по дому. Они опаздывают в школу. Я сижу за кухонным островком, пью чашку идеального кофе и наслаждаюсь хаосом. Мой муж Робби раздает детям ланч-боксы с приготовленными им обедами: три

полезные закуски и один огромный сэндвич (семья Робби родом с Сицилии, и его итальянские сэндвичи трудно превзойти). Мое дело – убедиться, что уроки сделаны, у всех есть разрешения от родителей и спортивная форма для занятий боевыми искусствами после школы. Перед тем как Робби уводит детей к машине, я крепко обнимаю дочку и двух сыновей, хотя все они выворачиваются, пытаюсь освободиться.

– Скорее! – кричит Робби. – Скоро звонок!

Вдруг я решаю, что тоже поеду с ними. Хотя я по-прежнему в пижаме, прыгаю на переднее пассажирское сиденье, Робби открывает наши автоматические ворота, и я восхищаюсь тем, какой стала моя жизнь.

Позже я поеду на занятия пилатесом и приготовлю на ужин курицу в вине, подарив Робби (в нашей семье шеф-повар – он) свободный вечер. Но сначала я должна вернуться к анализу того, что было прежде. Задача, которую я на себя взвалила, нелегка, но она необходима. Разве не легче было бы провести день, гуляя по пляжу с Джуно, моим французским бульдогом, или поехав с дочкой Элли по магазинам, где мы купим серьги, или украшая дом к Рождеству? Муж каждый год жалуется, но я не могу не переусердствовать на Рождество. Да, все могло быть проще. И всем этим я тоже занимаюсь.

Но наконец настало время, когда я решила сложить все отдельные кусочки своей жизни воедино. Я не могла поступить так в детстве, что тоже входит в головоломку. Дети лишены

такой роскоши, как спокойное размышление, особенно если они находились в таком плохом окружении, как я. Такие дети сосредотачивают все силы в первую очередь на выживании. В настоящее время моя жизнь вращается вокруг двух вещей: преданности мужу и детям и решимости призвать к ответу моих обидчиков. Отчасти я предпочла бы начать здесь и сейчас, подробно рассказав, с какой радостью расставляю по дому фигурки Санта-Клауса и развешивая сверкающий золотой дождик. Но прошлое требует того, чтобы о нем узнали. Слишком долго его скрывали.

Итак, как вышло, что я в пятнадцать лет оказалась в Майами без денег, избитая и одинокая? На этот вопрос можно ответить по-разному, но, если бы вы спросили меня в 1998 году, мне было бы слишком больно рассказывать обо всем. Скорее всего, я предложила бы кратчайшее объяснение. «Я сбежала, – сказала бы я. – Сбежала из центра „Расти вместе“».

Глава 2

«Расти вместе»

«Расти вместе» позиционировал себя как исправительный центр, исполненный «жесткой» любви, но, по правде говоря, ни о какой любви там речь не шла. К тому времени, как села в лимузин Эппингера, я уже несколько раз пыталась сбежать из исправительного центра. Я не по собственной воле стала их «клиенткой». Меня обманом заманила туда моя мать Линн, сказав, что мы едем к офтальмологу. На самом деле, когда мы вошли в высокое синее приемное отделение милях в двадцати от фермы моей семьи в Локсахатчи (Флорида), меня сразу окружили люди в форме с планшетами и несколько мускулистых охранников. Мать поспешила прочь – по-прежнему помню, как она выглядела, когда уходила. Даже со спины я видела ее густые рыжие волосы.

Мать объявила, что я «совсем отбилась от рук», и, по сути, это было верно. Раньше я была прилежной ученицей и любила читать; позже стала злостной прогульщицей, воинственной и склонной к эмоциональным срывам.

Всякий раз, когда только выдавалась такая возможность, я гуляла со старшими детьми, пила, развлекалась на вечеринках. Так что да, мама, ты была права: в младшем подростковом возрасте я стала мятежной и неуправляемой. Жаль только, что ты не пожелала узнать, почему так вышло.

Бананово-желтое здание центра «Расти вместе» находилось южнее западного пригорода Палм-Бич, городка под названием Лейк-Уорт. Странно – казалось, учреждение как будто ставило своей целью вызвать у тридцати с лишним содрожавшихся там подростков комплекс неполноценности. В исправительных целях персонал «Расти вместе» заставлял детей в возрасте от тринадцати до семнадцати лет стоять перед зеркалом и ругать себя как можно громче. «Я шлюха, неряха, раздолбайка», – кричали мы, девочки, глядя на свое отражение. Мы вынуждены были подчиняться; у нас не оставалось другого выхода. Учреждение напоминало крепость, с пропускными пунктами и решетками на окнах, а также особой камерой – «белой комнатой», куда отправляли тех, кто сопротивлялся. Позже я стала проводить в «белой комнате» много времени. Там не было ни туалета, ни матраса, только холодный бетонный пол, покрытый отходами предыдущих обитателей. Самый долгий срок, какой я провела в одиночном заключении, составлял три недели. Правда, это началось позже.

В начале моего пребывания в «Расти вместе» я пыталась найти там что-то хорошее. В течение дня на сеансах групповой терапии я кое-что рассказывала о себе консультантам. Я говорила, что мать, когда пила, становилась другим человеком. Только что она смеялась, а в следующую секунду начинала орать. Она швыряла в меня и моего младшего брата Скайди, который был на пять лет младше и которого я

обожала, кофейные чашки, холодные макароны с сыром. Но Скайди просто попадал под перекрестный огонь. Чаще всего мать злилась именно на меня. В ее голубых глазах появлялось знакомое выражение – мы со Скайди называли его «дурной глаз». Казалось, она своим взглядом пронзала кожу. Когда злилась по-настоящему, она посылала меня во двор срезать шипастую ветку с одного из своих прекрасных розовых кустов. «Возьми прут», – велела она. Потом заставляла меня спустить штаны при соседях и всех, кто мог видеть, и хлестала меня.

В «Расти вместе» я начала рассказывать о своей боли, вынув несколько кирпичей из защитной стены, которую возвела вокруг себя. Я рассказала, как всего несколько месяцев назад два парня, одному было семнадцать, другому восемнадцать, набросились на меня на заднем сиденье машины, пока я была в отключке, – перед тем мы пили, а очнувшись, обнаружила, что они по очереди насилуют меня. Никогда не забуду их сиплых голосов и жаркого, несвежего дыхания на своем лице. По-моему, тяжелое испытание продолжалось от пяти до семи часов. Рассказывать обо всем этом советникам в «Расти вместе» было трудно, однако у меня появилось то, чего я не ожидала: первые намеки на облегчение.

Правда, передышка оказалась недолгой. Не зря позже в разоблачительной статье в «Нью таймс», еженедельной газете из концерна «Виллидж войс», центр «Расти вместе» прозвали «Страдать вместе». Статья вышла в декабре 2004 го-

да, через семь лет после того, как я поступила в «Расти вместе». Там сообщалось, что воспитанников «избивали, связывали, сажали в одиночные камеры и систематически унижали». В статье называли семьи, которые подали в суд на «Расти вместе» за то, что центр вместо помощи причинял их детям страдания. Рассказали о девочке, которой советник сломал руки, о мальчике, который пытался покончить с собой, – его так и не направили к психологу. Одна мать назвала программу «концентрационным лагерем для воспитанников и родителей». В статье также писали, что некоммерческое учреждение «Расти вместе» собирало примерно по миллиону долларов в год за счет пожертвований и гонораров – обычно за каждого воспитанника платили 14 тысяч долларов в год. Столько платили родители детей, многие из которых попадали в «Расти вместе» по решению суда. Не знаю точно, кто заплатил за то, чтобы туда отправили меня, ведь у моих родителей денег не было. Через полтора года после выхода статьи в «Нью таймс» центр закрылся навсегда. Но в течение двадцати лет он служил адской дырой для таких детей, как я.

Система «лечения» в «Расти вместе» напоминала детский вариант «Анонимных алкоголиков», только шагов там было не двенадцать, а шесть. Но, в отличие от «АА», основу программы составляло натравливание детей друг на друга, пока мы пытались переходить на другой шаг или «уровень». Вновь поступивших называли «новичками», и целью было перейти на уровень «старичков». Тем, кому это удавалось, в

награду позволяли командовать другими детьми. Новичкам не разрешалось передвигаться по территории без того, чтобы «старичок» не держал его за пояс или «постоянно не сопровождал». Иначе говоря, в «Расти вместе» не было никакого уединения – ни в туалете, ни в душе, нигде. Система постоянного сопровождения не просто делала насилие возможным, она его активно поощряла.

Давать одним детям власть над другими и позволять их ограничивать было противозаконно, однако такой способ, видимо, приносил свои плоды с финансовой точки зрения (если поручаешь воспитанникам управлять друг другом, не нужно нанимать столько платных сотрудников). Результатом стала атмосфера, как в «Повелителе мух», с ужасными ритуалами-испытаниями и почти постоянным психическим и сексуальным насилием. Хотя мальчикам и девочкам теоретически не позволялось общаться друг с другом, я подружилась с худощавым бледным мальчиком по имени Крис. Если в «Расти вместе» попадали мальчики старше и крупнее, они выбирали в жертву именно его, решив, что его можно безнаказанно насиловать. После их издевательств над Крисом я держала его за руку и говорила, как мне жаль. Глядя в его пустые серые глаза, я беспокоилась, что какая-то его часть уже умерла – он и весь вскоре отправится следом. Не менее безжалостно обращались друг с другом девочки. Банда самых злобных мучила одну девочку, которую я знала; ее держали, не давая двигаться, и насиловали с помощью самых

разных предметов. Я поклялась себе, что со мной такого не случится; еще задолго до «Расти вместе» я была сверхбдительной и причин меняться не видела.

Опасность была повсюду. Сотрудники либо закрывали глаза на происходящее, либо проявляли жестокость. Был один охранник, белый, с кудрявыми светлыми волосами и густым ярким загаром, которого мы прозвали Мордovorот. Он любил хватать детей и швырять их о пол или о стены. Тем временем Рослин, девица латиноамериканского происхождения, была закомплексована на своей власти. Она творила с нашей психикой то же самое, что Мордovorот творил с нашими телами. Казалось, она получает удовольствие, унижая нас.

Еда была отвратительной, и меню ужинов оставалось неизменным.

В понедельник – тако; во вторник – стейк «Солсбери» (котлета из фарша). По средам нам наливали отвратительный грибной суп. Я терпеть не могла грибы, но заставляла себя есть, потому что знала: тех, кто не доедает до конца, заставляли сидеть за столом, пока они не подчинялись и не съедали все. Как-то в среду я все же не смогла это съесть. От запаха водянистой серой жидкости меня затошнило. «Ешь!» – закричала Рослин, и я попыталась. Но после нескольких ложек я не выдержала, и меня вырвало прямо в миску. Рослин расплылась в садистской улыбке. «Нет проблем, – сказала она. – Ешь все до конца».

Сотрудники часто повторяли: «То, что здесь происходит, здесь и остается». Чем дольше я жила в «Расти вместе», тем больше понимала, почему так происходит. Правила были жесткими. Мальчиков заставляли бриться почти налысо. Зато девочкам не позволяли брить ноги и подмышки. Нас как будто хотели пометить, чтобы мы и внешне выглядели такими ненормальными, какими они представляли нас внутри. Чтобы «держать нас в рамках», применяли обыски с раздеванием и перцовые баллончики. Вместе с тем грязное, запущенное здание центра кишело тараканами и крысами.

Однако каждую пятницу родители воспитанников собирались в большом, хорошо освещенном зале, который все это скрывал. Вечер пятницы назывался «открытым». Хорошо помню, какой цирк устраивала администрация. Представьте себе в одном конце зала пятьдесят взрослых, в другом – их «проблемные дети» в одинаковой форме – темно-синий верх, низ цвета хаки. До начала «открытого вечера» родителей и детей разделяли специальной перегородкой. Но, когда собрание начиналось, перегородку убирали, из динамиков гремела музыка, и нас, детей, заставляли петь. Мы знали: если откажемся, нас отправят в «белую комнату».

«Я обещание, я возможность», – щebetали мы, больше похожие на младшекласников, чем на проблемных подростков, с которыми жестоко обращались. «Я Обещание с большой буквы О. Я большой узел возможностей. И я учусь слушать глас Божий. Я стараюсь сделать правильный выбор. Я

обещаю стать всем, чего хочет от меня Бог».

Затем персонал вручал микрофон кому-то из матерей или отцов и просил описать дурные поступки их детей. Выбранные родители читали по бумажке: пьянство, мелкие кражи, драки, вспышки насилия, что угодно – и ни слова о том, какую роль сыграли они сами в таком поведении их детей. Все равно что смотреть на обвинителей на судебном процессе, только когда микрофон наконец передавали обвиняемым, им не позволялось говорить в свою защиту. Ожидалось, что мы будем в чем-то признаваться. Только признавшись, мы могли продвинуться вверх в иерархии, которая отделяла тех, кто наказывал, от наказуемых.

Вот вкратце что происходило в центре в течение дня. Другие акты насилия случались каждую ночь, когда нас увозили ночевать в приемные семьи, одобренные администрацией «Расти вместе». Как правило, мы ночевали в семьях тех детей, которые были записаны в программу; чаще всего их родители принимали по пять детей одновременно. Все эти дома, включая и мой, потому что мои родители иногда брали детей на ночевку, были отремонтированы, чтобы соответствовать требованиям «Расти вместе». Со стен снимали картины, зеркала и все, что можно было разбить. Убирали кухонные ножи. В ваннах оставались только раковина, унитаз и умывальник. Обычно окна и двери тех комнат, где мы спали, оснащали сигнализацией. Отбой объявлялся в 22:00, и мы не могли выйти из комнаты до следующего утра. Нельзя

было пойти даже в туалет. Приходилось терпеть или справлять нужду в ведро.

В «Расти вместе» был один ритуал, который я принимала: от нас требовали перед сном делать записи в наших дневниках. Персонал называл эти записи «нравственным учетом». Нам велели записывать все дурные поступки, которые мы совершили, болезненные издевательства, которые мы вытерпели, – и как то и другое на нас повлияло. Чем в большем количестве проступков вы признавались, тем выше в иерархии вам позволяли подниматься, что означало больше свободы – например, право ходить в туалет без присмотра или право посещать школу за пределами исправительного центра. Особенно приветствовали «нравственный учет», который включал сексуальное насилие или подростковый секс. При таких стимулах многие дети просто все выдумывали. Однако мне не нужно было лгать. Мне и без того хватало ужасных переживаний. Вначале я надеялась, что, прочитав мои исповеди о насилии, которому я подвергалась, персонал примет меры и накажет моих обидчиков. Может быть, можно призвать к ответу мальчишек, которые насильовали меня на заднем сиденье машины? Но вскоре я поняла, что цель дневников была другой. Целью было собрать сведения, с помощью которых персонал мог держать нас, заключенных, «в узде».

С тех пор я с перерывами веду дневник. Иногда мне казалось, что запись того, что произошло и как я себя в связи с этим чувствовала, – единственное, что позволяло мне

не сойти с ума. Но тогда, в том жутком месте, именно ведение дневника – а не тараканы и грибной суп – в конечном счете меня и сломило. Я вынуждена была записывать синими чернилами на белой бумаге даже некоторые из тех зверств, которым меня подвергали, но не имела возможности ничего с этим сделать. Советники говорили, что заявили в полицию по поводу моего обвинения в изнасиловании, но, очевидно, те мальчишки сказали, что я согласилась заняться сексом «на троих» добровольно, поэтому никаких обвинений им не предъявили. Вот что помогло мне понять правду. В «Расти вместе» моя боль была всего лишь нездоровым видом валюты, ценной лишь в том случае, если с ее помощью покупать подъем по предполагаемой «лестнице достижений» программы. Как только я это поняла, заново возвела вокруг себя кирпичную стену. «Видишь? Все бессмысленно, – ругала я себя. – Всем плевать. К черту этот мир!»

Я стала убегать. Снова и снова. Иногда убегала из машин, в которых нас перевозили из «Расти вместе» к месту ночевки. Как только разблокировали дверцы, я выскакивала из машины и бежала. Такой способ был легче всего. В других случаях я дожидалась, пока нас запирали в приемных домах с засовами и сигнализацией. Потом находила какой-нибудь острый предмет, приставляла к своему горлу и угрожала покончить с собой. Чаще родители, у которых я ночевала, уступали. Кому нужно возиться с мертвым подростком у себя на кухне? Они открывали двери и позволяли мне бежать в ночь.

Я была относительно свободна, пока меня не ловили и не возвращали в «Расти вместе». Хотя обычно в бегах я скрывала свое имя, представляясь всем, кто спрашивал, Рейчел (моя «кличка в бегах»), найти меня оказывалось нетрудно. Сотрудники центра вычислили, где я чаще всего слонялась и просила милостыню. Обычно я стояла возле «Данкин Донате». Рано или поздно меня находили и водворяли в «белую комнату». Но, как только представлялся удобный случай, я снова убегала.

Вот лишь небольшая доля того, что я пережила до того, как встретила Эппингера.

Может быть, это поможет объяснить, почему я так легко села в лимузин к незнакомому старику. Дело было не только в том, что несколько часов назад меня зверски изнасиловали и я бежала, спасая свою жизнь. Еще раньше я много лет чувствовала себя никудышной, ничего не стоящей. Иногда мне казалось: то, что заставляли меня говорить советники в «Расти вместе», было правдой. Я в самом деле была шлюхой, неряхой, раздолбайкой.

Но даже если я в самом деле стала той, кем меня считали, то не всегда была такой. Когда-то я была дочерью, сестрой, обожаемой маленькой девочкой. Я не любила о том думать. И все же сейчас я понимаю: такие мысли жизненно важны. Возможно, воспоминания о лучшем времени, о времени, когда я обладала ценностью, – то единственное, что не позволяло мне сдаться.

Глава 3

Вирджиния Ли

В моих первых воспоминаниях дядя Спид подхватывает меня на руки и сажает на свою любимую неоседланную лошадь. В три года мне кажется, будто земля осталась где-то далеко внизу. Стараясь удержаться, я вцепляюсь в лошадиную гриву. Мне нравится сидеть так высоко, но оставаться там надолго не получается. Мама боится, что я упаду, и ругает старшего брата отца за то, что тот подверг меня опасности. Моя первая короткая верховая прогулка многое во мне изменила. С тех пор я одержима животными, особенно лошадьми.

Слушая родственников, я привыкла гордиться тем, что в нашей семье есть спортсмены, ковбои и герои войны. Отцу всегда нравилось рассказывать, как он и его братья получили имена. Их отец Фред во время Второй мировой войны служил радистом, но больше всего ему нравилось летать в облаках. В Англии, где он служил в 8-м полку ВВС, Фред был стрелком на В-17. В 1945 году, когда ему было двадцать шесть лет, его наградили медалью «За воздушные операции». Для моего дедушки Фреда это все решило. Когда он вернулся домой в Калифорнию и они с бабушкой Дейзи решили обзавестись детьми, он настоял на том, чтобы имена сыновей были связаны с его страстью. Первым родился Спид

(Скорость), затем мой отец Скай (Небо) и, наконец, Джет (Реактивный самолет). У бабушки с дедушкой были и дочери, но им дали обычные имена: Сэнди и Кэрол.

Отец и его братья и сестры росли в 1960–1970-х годах в Сакраменто, городе, который сильно отличался от Сан-Франциско, хотя их разделяет всего сто миль. В то время как хиппи в сан-францисском районе Хейт-Эшбери одевались в «варенку», выступали против войны и за свободную любовь, соседи отца носили джинсы «Рэнглер», придерживались консервативных взглядов и верили в пользу тяжелого труда.

Например, мой дядя Джет в восемь лет вел уроки американской кадрили; тем же самым он зарабатывает на жизнь и сейчас. Отец любил все чинить руками. Долговязый, улыбчивый, он редко где-то появлялся без своей стетсоновской ковбойской шляпы.

Моя мама Линн была более свободолюбивой. Она родилась в 1960 году у моей бабушки Шелли и ее второго мужа, которого я никогда не видела. Их брак окончился три года спустя, когда родилась мамина младшая сестра. После того Шелли отправила обеих дочерей жить к Диди, своей матери, в Ричмонд (Вирджиния). Моя бабушка по материнской линии в свое время входила в теннисную команду Колледжа Вассара, стала одной из первых профессиональных теннисисток в стране и бросать спорт не собиралась. В 1960-х годах Шелли держалась рядом с дочерьми, служа главным трене-

ром в клубах Вирджинии-Бич и Ричмонда. Но в 1970 году она переехала на 800 миль западнее, в Чикаго, свой родной город, и стала управляющей теннисным клубом. Не знаю, удалось ли матери справиться с тем, что ее бросили.

Несмотря на то что Шелли жила отдельно, она установила для дочерей много правил. И мама, и ее сестра (которую тоже зовут Вирджиния) должны были коротко стричь волосы, что мама терпеть не могла. Зато бабушка Диди выросла в богатой семье, и для нее внешность много значила. Она хотела вырастить из своих внучек хорошо воспитанных красавиц-южанок.

Потом Шелли вышла замуж в третий раз, за высокопоставленного теннисиста по имени Бакки Уолтерс-младший, и переехала во Флориду, где вступила в теннисный клуб Палм-Бич. Тогда она послала за дочерьми, но моя мать после приезда ясно дала понять, что не хочет расти с отчимом, не говоря уже о старшем сводном брате (у Бакки был сын от предыдущего брака). Мама и Шелли постоянно ссорились. Мама всегда была упрямой и презирала новую семью, тем более что прежде ее мать, судя по всему, не слишком заботилась о детях. Как бы там ни было, мама сбежала и авто-стопом добралась до Сан-Франциско. Я не очень много знаю о том, как прошло ее путешествие, зато знаю, что она начала называть себя хиппи и отрастила длинные рыжие волосы. В шестнадцать лет она вышла замуж за военного по имени Крег, и у них вскоре родился сын Дэнни. В семнадцать лет

мама развелась и снимала квартиру вместе с еще одной матерью-одиночкой. Хотя забот у нее было выше крыши, она каким-то образом окончила среднюю школу.

Как-то после обеда, покупая Дэнни рожок с мягким мороженым в «Дейри Фриз», мама познакомилась со Скаем Робертсом, симпатичным парнем с рыжеватыми волосами в ковбойской шляпе. Они сразу же влюбились друг в друга – во всяком случае, так мне всегда рассказывали. Скаю понравилась огненно-рыжая грива Линн, ее веснушки и широкая зубастая улыбка. Линн понравилось, как Скай расхаживал с важным видом – и как его не оттолкнуло то, что у нее уже есть ребенок. Позже отец отрастил пивной животик и то, что я называю «робертсовским носом», широким у основания и луковицеобразным на конце. Но тогда он был высоким и стройным, с коротко стриженными бородкой и усами. Мама не смогла устоять.

С самого начала отец обращался с Дэнни как со своим родным сыном. Он сказал, что хочет еще детей, чем тронул мамино сердце. Может быть, думала она, их семья будет лучше той раздробленной, из которой она вышла. В декабре 1982 года мои родители обвенчались в лютеранской церкви Святого Петра в Элк-Гроув, южнее Сакраменто. Через восемь месяцев у них родилась я: Вирджиния Ли Робертс. Все называли меня Дженна. Согласно семейной легенде, после моего рождения бабушке Шелли захотелось помириться с мамой, старшей дочерью, с которой они отдалились друг от

друга. После ряда междугородних телефонных звонков они с матерью помирились, и вскоре отец, мать, Дэнни и я уже мчались на восток в подержанном автодоме «Уиннибаго», который они купили по дешевке.

Первое, что поразило меня во Флориде, – океан. Прежде я еще никогда его не видела. Мне нравился соленый запах. Сначала мы жили у бабушки Шелли в Уэст-Палм-Бич, недалеко от пляжа, и вскоре я многое о ней узнала.

Она не позволяла нам называть ее «бабушкой» – наверное, потому, что не хотела подчеркивать свой возраст. Мы, дети, должны были называть ее Гамма. Более того, она, кажется, просыпалась с «Кровавой Мэри» в одной руке и сигаретой в другой. Самые жаркие часы Гамма всегда проводила у бассейна в своем теннисном клубе, и ее уже коричневый загар все темнел и темнел. Она часто играла в нарды с друзьями. В сумочке носила флакон с детским маслом. Были у нее и другие странности. Фанатка чистоты, Гамма была из тех женщин, которые закрывали мебель пленкой; когда я причесывалась, она выгоняла меня на улицу. Педагогическая жилка у нее отсутствовала. Но я восхищалась тем, как она жила на своих собственных условиях. Учитывая стремление Гаммы все контролировать, мама не хотела долго жить с ней под одной крышей. Вскоре родители нашли небольшой одноэтажный дом в стиле ранчо с тремя спальнями в Локса-хатчи, городке примерно в получасе езды от Уэст-Палм-Бич. Сей-

час в Локсахатчи разводят призовых лошадей, но тогда городок славился своими жителями-отступниками, свободными правилами землепользования и экзотическими животными. Отчасти окруженный цитрусовыми рощами, Локсахатчи граничил с последним оставшимся участком северных болот Эверглейдс. Живя рядом с дикой природой, наши новые соседи позволяли себе держать не только разбитые школьные автобусы во дворах, но также игуан, павлинов, альпак и эму. Много лет спустя один сосед хранил в морозильнике в гараже труп краснокнижной пантеры. Таким был Локсахатчи в 1980-е: диким, независимым, далеким от цивилизации.

Наш новый дом был неказистым, но родители, как могли, старались его улучшить. Мама посадила в палисаднике подсолнухи и маргаритки. Отец засеял газон травой, построил сарай, возвел амбар. А я? Днем я исследовала лес, граничивший с нашим участком. В нашей части Флориды росли два вида кипарисов, не похожие на высокие итальянские кипарисы, которые я помнила по Сакраменто. Флоридские кипарисы росли в местах, пропитанных водой. Помню, сосед объяснял, что болотный кипарис, тонкий и легкий, получил свое название, потому что сбрасывал листву зимой. Но больше меня завораживало то, как эти деревья, когда вода поднималась, выращивали особые корневые системы – все называли их «коленями». Они росли из земли, погруженной в воду, и тянулись вверх, доставляя кислород кроне. Эти кипарисы умели выживать – некоторые из них прожили шесть-

сот лет, – и я восхищалась ими. Кроме того, я любила то, что можно было увидеть с самых верхних ветвей самых высоких ежовых сосен, которые растут на болотистой почве. Я, бывало, забиралась наверх и прыгала вниз, как опоссум, смеясь, когда мир переворачивался с ног на голову. Я так здорово лазала по деревьям, что родители прозвали меня Питером Пэном. Конечно, летать я не умела, зато была бесстрашной и уверенной, как будто в самом деле умела летать.

Месяц спустя мне исполнилось пять лет, и мама отвела меня в детский сад при Хейверхиллской баптистской дневной школе. Занятия продолжались всего несколько часов в день и в основном были рассчитаны на то, чтобы дети привыкли к школе. И все же у меня сохранился табель с рисунком: два улыбающихся ребенка, мальчик и девочка, которые сидят вместе на полу и оба держат на коленях открытые книги. Помню радость, какую я ощутила той осенью, когда научилась читать. Как я изумилась, узнав, что есть такое место, как библиотека, где любой может брать книги бесплатно.

Через пять месяцев после того, как я пошла в Хейверхилл, в феврале 1989 года, родился мой младший брат, Скай Рокет Робертс. Я называла его Скайди Вами или просто Скайди. Когда его привезли домой из клиники, родители поставили его колыбельку в мою комнату, и мне казалось, что он почти мой ребенок. Ночью, если он плакал, именно я вставала и утешала его. Я обожала Скайди, и, когда он подрос – блондин с карими глазами, очень красивый, – начало происхо-

дить что-то хорошее. После рождения Скайди мама какое-то время работала кассиром в банке, но ушла после ограбления, когда грабители держали ее под прицелом. Теперь я понимаю, как ее напугало то происшествие, но в то время оно казалось нам, детям, благом: мы радовались, что мама проводит с нами больше времени. Отец начал искать работу на стройках и в ремонтных организациях. Мой сводный брат Дэнни рос задиристым парнем. Даже после того, как ему в драке выбили передний зуб, он всегда как будто искал неприятности на свою голову. Но он был моим старшим братом и заботился обо мне. Отец и мать все чаще ходили с пивными банками в руках. И все же я была счастлива – думаю, и мои близкие тоже. В те дни меня радовало сознание, что маме нравится иметь дочь. У меня сохранился детский альбом, который она для меня сделала; там так много фото, что он с трудом закрывается. Вот я сижу на стуле рядом с моей любимой трехцветной кошкой; я босиком на пляже, кидаю лопаткой песок в ведро; я в костюме Белоснежки на Хеллоуин. Там же сохранилась прядь моих волос, перевязанная розовой лентой. Мама без конца что-то писала, обращаясь ко мне. Она называла меня: «Моя особенная девочка!» Когда у меня вылезли веснушки, совсем как у мамы, она называла их «ангельскими поцелуями» и уверяла, что они меня красят. И со Скайди мама мне полностью доверяла. Однажды, когда мы играли в песочнице под домом на дереве, который построил для нас папа, Скайди дернул меня за фут-

болку. «Сестренка!» – сказал он. Обернувшись, я увидела, что он показывает на змею, которая ползла к нам. Я не особенно боялась рептилий – однажды я даже держала ящерицу в обувной коробке под кроватью и каждую ночь наливала воду в крышечку, чтобы ящерица пила, – но интуиция подсказала, что эта змея опасна. Я схватила Скайди и побежала к дому, громко крича. Выскочив на крыльцо, мама увидела смертельно опасную мокасиновую змею, которая ползла в траве. Позже она говорила, что я спасла Скайди жизнь.

Мне нравилась наша улица. Мы жили во втором доме слева на Рэкли-роуд, совсем рядом с семьей Рэкли. Можно подумать: раз наша грунтовая дорога носила их фамилию, Рэкли наверняка жили на самом лучшем участке земли. Судя по всему, они распродали самые лучшие куски земли вокруг, а себе оставили самые грязные и запущенные. К тому времени, как мы там поселились, клан Рэкли можно было назвать типичной деревенщиной. Они были грубыми, жесткими, держали множество брехливых собак, а перед их домом не было палисадника.

На нашем участке был маленький прудик с крошечным островком посередине; после того как отец построил узкий мост, который связывал островок с ближайшим куском берега, остров стал моим любимым местом. Я проводила там многие часы за чтением, рисованием и мечтами о том, какой станет моя жизнь. Однажды, когда там мечтала, я увидела, как аллигатор схватил черепаху, огромную, словно автомо-

бильная шина, которая высунула голову из воды. Я никогда не видела такую большую черепаху, поэтому мне, конечно, захотелось ее поймать. Мама сказала, что я должна спросить Рэкли.

– Они научат, что делать, – сказала она.

И они научили. Один из мальчиков Рэкли – их было несколько, в том числе близнецы – насадил на крючок с колокольчиком кусок мяса и забросил его в воду. Через два дня, когда колокольчик зазвонил, я в благоговейном ужасе наблюдала за тем, как братья Рэкли вытащили окровавленную черепаху из пруда. Челюсти у нее щелкали. Позже в тот же вечер в нашу дверь постучали – еще один мальчик Рэкли. Он сказал, что его мама сварила черепаховый суп и приглашает нас его попробовать. Я поблагодарила, но отказалась. Тогда я уже решила, что хочу стать ветеринаром, – с тех пор, как услышала, что за заботу о животных некоторые люди платят. Поэтому есть черепаху мне не хотелось. Я просто разволновалась, так близко увидев острый черепаший клюв и чешуйчатый панцирь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.